

СЕРГЕЙ МИРОНОВ:

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ МИНЕРАЛОВ — ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

ЖУРНАЛ «РЕДКИЕ ЗЕМЛИ» ВСТРЕТИЛСЯ С СЕРГЕЕМ МИРОНОВЫМ, РОССИЙСКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ, РУКОВОДИТЕЛЕМ ФРАКЦИИ ПАРТИИ «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ. НАЧАЛОСЬ ВСЕ С РАЗГОВОРА ОБ УНИКАЛЬНОЙ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ, КОТОРУЮ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕРЕДАЛ В ДАР ГОСУДАРСТВЕННОМУ ГЕОЛОГИЧЕСКОМУ МУЗЕЮ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО РАН, А ЗАКОНЧИЛОСЬ АКТУАЛЬНЫМИ ВОПРОСАМИ, КАСАЮЩИМИСЯ ЭКОЛОГИИ, КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ, РЕФОРМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ, СОСТОЯНИЯ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ РОССИИ

ТЕКСТ: Владислав Стрекопытов ФОТО: Мария Баркова, Михаил Лейбов

Частное коллекционирование минералов и окаменелостей стало «модным» среди государственных чиновников во времена Петра I и Екатерины II. В усадьбах и дворцах аристократии наряду с картинными галереями устраивались минеральные кабинеты. Собираение коллекций считалось делом особой важности, близким к государственной службе. Некоторые из этих собраний, такие как коллекция графа Брюса, обладают ореолом таинственности, и следы их теряются во времени. Другие, не менее известные, ныне составляют основу собраний ведущих минералогических музеев России. Российский политик и государственный деятель Сергей Миронов коллекционирует минералы всю свою сознательную жизнь. Увлечение это овладело им задолго до начала политической карьеры.

УВЛЕЧЕНИЕ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

Для Сергея Миронова коллекционирование минералов началось еще в детстве. Сначала это были просто «камни» с причудливыми окаменелостями

Коллекция и сейчас постоянно пополняется. На российских ярмарках, где торгуют минералами, всё чаще встречаются уникальные экземпляры, интереснейшие образцы присылают ему друзья и коллеги, продолжающие работать в геологии. Да и сам Сергей Михайлович продолжает участвовать в экспедициях и даже их организовывать. В частности, в период с 2005 по 2010 год совместно с «Комсомольской правдой» им было организовано несколько экспедиций к загадочному Патомскому кратеру, расположенному на самом севере Иркутской области, на границе с Якутией. Кратер был обнаружен в 1949 году советским геологом Вадимом Колпаковым. Этот уникальный геологический объект представляет собой конусообразное кольцевое сооружение на склоне сопки, сложенное не магматическими породами, для которых такие образования типичны, а терригенно-карбонатными породами. Предполагаемая ранее метеоритная гипотеза происхождения кратера при этом не подтвердилась. Было установлено, что обра-

КАМНИ — КАК ЖИВЫЕ. ОСОБЕННО ЕСЛИ ЗА НИМИ ЕСТЬ ВОСПОМИНАНИЯ, ИСТОРИЯ. ВСПОМИНАЕШЬ ДРУЗЕЙ, ВСПОМИНАЕШЬ МЕСТО, ГДЕ НАШЕЛ ТОТ ИЛИ ИНОЙ КАМЕНЬ

древних моллюсков, которые он собирал в начале 60-х годов прошлого века на речке Поповка в пригороде Ленинграда. Но именно эти «камни» и определили во многом выбор будущей профессии. Первое высшее образование Сергей Михайлович получил в Ленинградском горном институте, славящемся в том числе своей минералогической коллекцией. После окончания института Сергей Миронов работал горным инженером-геофизиком, за плечами у него 18 полевых сезонов — в лесах, пустынях, горах. Из всех экспедиций он привозил уже добытые самостоятельно минералогические образцы, которые и составили основу будущей коллекции. Заметно пополнилась коллекция за годы работы С.М. Миронова в Монголии.

«Многие найденные в те годы камни были подарены, но до сих пор самые ценные для меня в коллекции те, которые я сам когда-то нашел. Камни — как живые. Особенно если за ними есть воспоминания, история. Вспоминаешь друзей, вспоминаешь место, где нашел тот или иной камень», — говорит Сергей Миронов.

зование его связано с эндогенными процессами, главную роль в которых играло поступление глубинного потока газов.

«ДЛЯ ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЫ»

В 2011 году произошло знаменательное событие — Сергей Миронов передал свою коллекцию в дар Государственному геологическому музею РАН им. В.И. Вернадского, председателем Попечительского совета которого он является. Именной зал «Коллекция минералов Сергея Миронова» сегодня — один из самых посещаемых разделов музея.

Основу минералогического собрания Геологического музея РАН им. В.И. Вернадского составляют именно частные коллекции XVIII–XIX веков — графа А.К. Разумовского, графа Н.П. Румянцева, графа А.Ф. Келлера, князей Гагариных, купцов Прохоровых. Да и сам музей, вернее, его прародитель — Музей натуральной истории Московского университета, — появился в 1859 году, когда представители династии промышленников и благотворителей Демидовых

1. Агаты, Бразилия. 2. Сросток пяти кристаллов пирита, Навахун, Испания. 3. Азурит, малахит, Китай. 4. Турмалин (шерл), кварц, Пакистан. 5. Псевдоморфоза благородного опала по белемниту, Австралия. 6. Родохрозит. 7. Сколецит, Пуна, Индия. 8. Аметист, кварц

пожертвовали университету «Минеральный кабинет» и «Кабинет натуральной истории», «для общей пользы», как тогда говорили.

«Я очень хорошо знаю, люблю и ценю этот музей и рад, что смог возродить добрую традицию даров частных минералогических коллекций народу, государству. Мне приятно осознавать, что в залах замечательного музея моя коллекция минералов начала новую жизнь, стала доступной всем, кто интересуется чудесами, которые творит природа, — говорит Сергей Миронов. — Я рад поделиться красотой этих камней. Еще лучше, если это заставит кого-то заинтересоваться тем, что хранится сокрытым в недрах Земли, узнать что-то новое о минералах, а то и принять участие в поисках и сохранении таких прекрасных чудес природы».

ПОРЯДОК ИЗ ХАОСА

Когда мы задали Сергею Миронову вопрос о том, какие образцы из коллекции он считает наиболее интересными, мы ожидали, что он начнет рассказывать об уникальных друзьях драгоценных камней или о редких минералах, встречающихся в виде единичных находок. И те и другие присутствуют в его коллекции. Но для Сергея Михайловича «внутренняя жизнь», если хотите, «философия» камня, представляет больший интерес, чем внешний блеск. Поэтому он начал нам увлеченно рассказывать о кольцах Лизеганга в песчаниках — концентрических рыжевато-бурых структурах, возникающих в результате периодического осаждения каких-либо соединений.

«Магические» кольца эти, описанные немецким химиком Р. Лизегангом в конце XIX века, не давали покоя многим мыслителям. Ученый, священник Павел Александрович Флоренский в

1934 году в письме другу писал: «...в частности мне удалось объяснить зональность структурообразований, частным случаем которых служат кольца Лизеганга. Надеюсь в ближайшем будущем подвести под найденное объяснение аналитический фундамент...» Слова эти написаны в короткий период между двумя ссылками.

В воспоминаниях Андрея Дмитриевича Сахарова есть строки о школьных годах, когда «...из физико-химических опытов меня больше всего занимали кольца Лизеганга (сказать по правде — до сих пор)». Сахарову принадлежит такое высказывание: «Похоже, кольца Лизеганга — это последняя попытка высших сил создать гармонию в неживом перед созданием гармонии в живом».

В коллекции Сергея Миронова много прекрасных примеров этой природной самоорганизации вещества — песчаников с концентрическими структурами из пустыни Гоби. В Монголии Сергей Михайлович проработал 10 лет, и большинство образцов собрано им собственноручно во время геологических экспедиций. Позже он дважды организовывал туда экспедиции специально за образцами удивительных песчаников. Сейчас в планах — третья экспедиция. Настолько увлекают Сергея Миронова эти природные образования, наглядно демонстрирующие, как естественным образом из хаоса может возникать порядок.

Еще один яркий пример природной самоорганизации вещества — кристаллы пирита. Трудно поверить, что эти идеальные по форме, гладкие, отполированные металлические кубы созданы природой без участия человека. В коллекции С.М. Миронова есть сросток из пяти кубических кристаллов пирита. В разных музеях мира хранятся сростки из трех, редко — четырех кристаллов, но пять — это настоящая минералогическая редкость! Этот

Для журналиста общаться с С.М. Мироновым и просто и непросто одновременно. С одной стороны, он очень открытый, искренний и позитивно настроенный человек. С другой стороны немногословен. И это неудивительно. В политику Сергей Михайлович пришел из геологии, где дела ценятся намного выше слов. На вопросы о современном состоянии дел в российской экономике, науке, образовании он отвечает коротко, четко, по существу, иногда с нескрываемым возмущением. Но интонации меняются сразу же, как только мы задаем ему первый вопрос о его коллекции.

1. Песчаник, кольца Лизеганга, Монголия. 2. Аметрин(аметист, цитрин), Боливия. 3. Гранат-груссуляр. 4. Агат. 5. Рутиловые «звезды» в кварце, Бразилия. 6. Дымчатый кварц (раухтопаз). 7. Благородный опал, Австралия. 8. Малахит, Конго. 9. Агат, Центральный Казахстан

образец пирита — из испанского месторождения Навахун. В этой связи Сергей Михайлович замечает: «Когда я увидел эти уникальные образцы пирита из Навахуна, я вспомнил, что Пикассо родился в Испании, вспомнил про его знаменитый кубический период. Он явно увидел это в природе!»

РЗ: Как Вы видите будущее российской науки и образования? нужно ли реформировать РАН, нужна ли прикладная наука?

Начну с того, что то, что сегодня называют реформой РАН, это не реформа, это — уничтожение. Я категорический противник этой реформы. Дело в том, что в течение 300 лет Российская академия и вся наука складывались на принципах самоуправления и самоорганизации. У нас была лучшая система образования в мире, сегодня мы имеем самые худшие образцы и примеры. Я напрямую связываю это с введением Единого государственного экзамена.

И реформа РАН вредна. Сегодня уже видно, что чиновники из ФАНО не могут управлять наукой. Я утверждал и утверждаю, что финансировать науку — государственная обя-

зательность. Будь то геология, биология или гидрология, всё равно там много чего непонятного. Вот и начинаются всякие аферы, как с потеплением климата...

РЗ: Даже термин такой возник — «климатгейт». Многие считают, что роль антропогенного фактора здесь сильно преувеличена...

Не просто сильно, а осознанно, фальсифицировано преувеличена. Наша партия — член Социнтерна. В Социнтерне в 2006 году была создана комиссия по устойчивому развитию. Там было три направления. Одно из направлений называлось «Проблема потепления климата». Я просил тогда, чтобы комиссию назвали «Проблема изменения климата». У меня даже есть публичная лекция по проблемам изменения климата. В ней я рассказываю о циклах солнечной активности. Просто конец XX века совпал с максимумом... И я против ратификации Парижского соглашения.

РЗ: Есть ли в повестке дня вашей партии экологические вопросы, и какими вы видите пути решения этих вопросов?

23 апреля 2016 года мы провели первую часть съезда, на которой приняли новую программу. В

СИТУАЦИЯ С МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫМ КОМПЛЕКСОМ, НА МОЙ ВЗГЛЯД, НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ. ПОТОМУ ЧТО У НАС СЕЙЧАС «ПРОЕДАЮТСЯ» МЕСТОРОЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ ЕЩЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ БЫЛИ ОТКРЫТЫ. А ЧТО ДАЛЬШЕ?

занность. Именно фундаментальную науку. Для прикладной науки найдется спонсор. Но при работе на фундаментальных направлениях никто никогда не может сказать, какое открытие «аукнется» открытием какой-то новой технологии, а может, и новая отрасль появится. Никто не знает даже, в какой сфере. Естественно, частный бизнес не будет в это вкладываться. Только государство. И здесь, когда нам говорят, что «вы нам дайте результат», это чиновничий подход. Я к этому очень негативно отношусь.

РЗ: На ваш взгляд, какие направления науки сейчас приоритетные, на какие из них надо делать ставку?

Безусловно, все, что связано с космосом, и все, что связано с энергетикой. Мы все равно должны переходить к управляемому ядерному синтезу. За этим будущее. И, конечно, науки о Земле. Потому что, несмотря на то что мы многое уже изучили,

нашей новой программе, как и в предыдущей, есть большой раздел «Экология». Мы считаем, что необходимо вводить экологическое страхование. Мы зафиксировали наше несогласие с господствующим сегодня принципом, когда загрязнитель, по сути дела, откупается, выплачивая определенную сумму. То есть любые компании, любые производства, где есть угроза загрязнения атмосферы, воды, почвы, должны платить страховые взносы. А если что-то случается, то должны быть жесткие штрафы, чтобы предприятиям было невыгодно не поставить фильтры на трубы, не строить очистные сооружения. А вот за счет денег, которые собираются в виде страховых экологических взносов, в случае любого техногенного ЧП или катастрофы будет производиться полная ликвидация последствий. То есть принцип — платят все, кто загрязняет, платит в сотни раз больше. А не так, как сейчас: просто платят маленькую сумму и откупа-

Зал «Коллекция Сергея Миронова» в Геологическом музее им. В.И. Вернадского РАН. С директором музея С.В. Черкасовым

ются. Это первое. И второе — конечно, нужно менять менталитет. В гражданском обществе всё больше и больше проявляется понимание важности решения проблемы отходов, потому что от решения этой проблемы зависит будущее и наших детей, и планеты в целом. Поэтому самое пристальное внимание — проблеме экологии.

РЗ: Мы продолжаем себя традиционно называть сырьевой державой, хотя на сегодняшний день наша страна зависит от импорта многих редких и стратегически важных металлов, определяющих развитие новых технологий. Как бы вы могли охарактеризовать состояние минерально-сырьевой базы России в целом?

То, что происходит в нашей геологии, меня абсолютно не устраивает. Я сторонник необходимости создания, вернее, воссоздания, Министерства геологии. Доразведку по каким-то месторождениям частные компании сделают, начнут добычу. Но надо понимать, что степень геологической изученности у нас еще крайне низкая, даже двухсоттысячной съемкой не вся территория еще покрыта. А первичное изучение, металлогенические исследования может взять на себя только государство. Сейчас в основном в работу идут «слепые» (не выходящие на поверхность. — Прим. ред.) месторождения. Возможности новых методов поисков и разведки, ин-

терпретации результатов позволят по-новому оценить перспективы этих объектов. Там нужно пересматривать всю геофизику. Это тоже может сделать только государство. Конечно, оно должно это делать целенаправленно — вкладывать деньги, а потом только передавать бизнесу.

Государство, конечно, должно финансировать первичные поиски, геологическую съемку, потому что речь идет о невозобновляемых ресурсах, и рано или поздно они будут заканчиваться. По каким-то видам минерального сырья у нас еще есть нетронутые месторождения. Почему нетронутые? Либо сильно удаленные, отсутствует транспортная инфраструктура, либо качество сырья низкое, либо не было в свое время технологии по извлечению.

Эти все проблемы есть, и я настаиваю на том, что эти проблемы нужно решать на уровне государства и за счет бюджета. Если у нас 40–50% бюджета формируется за счет продажи минерального сырья, нужно же минерально-сырьевую базу поддерживать!

Поэтому ситуация с минерально-сырьевым комплексом, на мой взгляд, неблагоприятная. Потому что у нас сейчас «проедаются» месторождения, которые еще в Советском Союзе были открыты. А что дальше? ❖